

РОССИЯ В ВОЙНАХ И РЕВОЛЮЦИЯХ XX ВЕКА

С. А. Нефедов

Неизвестная Февральская революция (часть 1)

Причины и обстоятельства Февральской революции 1917 г. до сих пор остаются предметом научной дискуссии. В этой дискуссии сравнительно малое внимание уделяется происходившим накануне революции событиям — демонстрации 14 февраля и последовавшему затем согласию императора Николая II на создание ответственного министерства. Историки считают демонстрацию 14 февраля малозначительным событием, никак не связанным с последовавшим затем решением Николая II. Более того, многие исследователи Февральской революции вовсе не упоминают об этой уступке оппозиции; В. С. Дякин считал недостоверным соответствующее сообщение М. В. Родзянко¹, а В. И. Старцев полагал, что император не принял окончательного решения². Но С. В. Куликов, ссылаясь на многочисленные свидетельства, воспринимает решение императора как несомненный факт³.

Таким образом, возникает вопрос о том, что побудило императора согласиться на революционную реформу — ибо, согласно современной теории революции, столь коренное изменение политических институтов, как создание ответственного перед выборным собранием министерства, по содержанию приближается к политической революции⁴. Формальным итогом Февральской революции было именно объявление о создании в будущем ответственного перед выборным собранием министерства — т. е. получается, что Февральская революция была излишней, так как Николай II уже согласился на это коренное преобразование

Нефедов Сергей Александрович
доктор исторических наук, профессор,
Уральский федеральный университет;
Институт истории и археологии Уральского отделения РАН (Екатеринбург, Россия)

политического строя, и *революция уже произошла за несколько дней до Февральской революции*. Оказывается, мы мало что знаем об этих событиях. Что же заставило императора принять столь радикальное решение?

До сих пор нет отдельных исследований о событиях, связанных с демонстрацией 14 февраля, они упоминаются лишь в общих работах, посвященных Февральской революции или деятельности Центрального военно-промышленного комитета (далее — ЦВПК). Среди историков нет единого мнения по поводу оценки этих событий. Так, Э. Н. Бурджалов, Е. Д. Черменский и некоторые другие авторы рассматривали демонстрацию 14 февраля как неудачную попытку Рабочей группы ЦВПК оказать давление на думскую оппозицию с целью побудить ее к более решительной борьбе с правительством⁵. В. С. Дякин полагал, что инициатива, исходившая от Рабочей группы, была поддержана «буржуазными деятелями, объединившимися вокруг ЦВПК»⁶. В. И. Старцев иначе расставлял акценты и отмечал «подстрекательскую роль» руководства ЦВПК, в частности А. И. Гучкова⁷. С. В. Куликов идет дальше и помещает подготовку демонстрации в общий контекст замышлявшегося думской оппозицией государственного переворота⁸. Однако в дальнейшем, утверждает С. В. Куликов, «шествие к Государственной Думе по тактическим соображениям было отменено»⁹.

Таким образом, перед исследователем стоит задача разобраться в деталях и масштабах подготовки манифестации 14 февраля; необходимо понять, почему эта подготовка напугала окружение императора до такой степени, что оно решило пойти на радикальные уступки.

Как известно, военно-промышленные комитеты (далее — ВПК) были созданы летом 1915 г. в целях мобилизации частной промышленности для выполнения военных заказов. Комитеты распределяли поступающие от военного министерства заказы, контролировали их дальнейшее выполнение и координировали работу многих тысяч подрядчиков. Это огромное военно-промышленное объединение возглавлял Центральный военно-промышленный комитет, в который входили крупнейшие российские промышленники. Председателем Центрального комитета был А. И. Гучков, заместителями председателя — А. И. Коновалов и М. И. Терещенко; московских промышленников представляли братья Рябушинские. По свидетельству начальника Петроградского охранного отделения К. И. Глобачева, лидеры ЦВПК рассматривали себя в качестве «крупнейших общественных деятелей, имеющих за собой могущественный класс промышленников и опирающихся на поддержку армии». Более того, они претендовали на роль «единственных законных наследников ныне существующей власти»¹⁰.

Специфика ситуации заключалась, однако, в том, что существующая власть не желала признавать могущество класса промышленников; это порождало конфликты, иногда принимавшие личностную окраску. Известный своими авантюрическими эскападами А. И. Гучков считался едва ли не личным врагом императора. Молодой и энергичный А. И. Коновалов был известен склонностью к рискованным социальным экспериментам; он рассматривал рабочих как потенциальных союзников в борьбе с самодержавием и был инициатором создания рабочих групп ВПК¹¹.

Формально рабочие группы были созданы с целью урегулирования трудовых конфликтов на предприятиях военной промышленности. В ноябре 1915 г. были

проведены выборы в Рабочую группу при ЦВПК, на которых, вопреки противодействию большевиков, победу одержали меньшевики-оборонцы. Всего было избрано 16 членов группы, ее председателем стал рабочий-металлист К. А. Гвоздев. При Рабочей группе был создан небольшой аппарат, размещавшийся в том же здании, что и ЦВПК, и занимавший две комнаты на втором этаже, а для заседаний использовались парадные залы нижнего этажа. На ежедневные заседания Рабочей группы приходили активисты из числа рабочих, и довольно быстро Группа превратилась в политический клуб, который посещали и некоторые депутаты Думы, в том числе А. Ф. Керенский и Н. С. Чхеидзе¹². Большевики клеймили членов Рабочей группы как прислужников буржуазии, предающих интересы рабочего класса, хотя Группа уже в первой своей декларации от 3 декабря 1915 г. прокламировала задачи «коренной ломки режима», созыва Учредительного собрания и немедленного осуществления всех гражданских свобод¹³. Однако до тех пор, пока все это оставалось в рамках прокламаций и разговоров, власти проявляли удивительное терпение, которое объяснялось тем, что Группа находилась под защитой могущественного Центрального военно-промышленного комитета.

Могущество ЦВПК, помимо прочего, обуславливалось тем, что его руководители одновременно были лидерами крупнейших политических партий: Гучков изначально был лидером октябристов, Коновалов и братья Рябушинские считались лидерами партии прогрессистов. Октябристы и прогрессисты вместе с кадетами и некоторыми мелкими фракциями составляли Прогрессивный блок, имевший большинство в Думе и находившийся в жесткой оппозиции к правительству. К осени 1916 г. конфликт между Думой и правительством длился уже почти год, и требование создания «министерства доверия» из приемлемых для Думы кандидатов успело стать традиционным требованием оппозиции. 18 сентября Николай II попытался сделать шаг к примирению с Думой и назначил министром внутренних дел заместителя председателя Думы, одного из лидеров партии октябристов, А. Д. Протопопова. Но это решение оказалось неудачным, так как было принято без согласования с Думой; Протопопова стали рассматривать как «перебежчика», и его отставка стала одним из главных думских требований¹⁴.

Осенью 1916 г. на конфликт правительства и Думы наложился нарастающий продовольственный кризис. В начале октября 1916 г. Петроградское охранное отделение подготовило докладную записку, в которой указывалось на то, что цены на продукты в Петрограде возросли по сравнению с довоенным временем на 300%. В записке говорилось о «неимоверно прогрессирующей дороговизне и отсутствии источников и средств питания у голодающего в настоящее время населения столиц»¹⁵. В связи с этим Охранное отделение предупреждало, что среди населения «отмечается исключительное повышение оппозиционности и озлобленности настроений»¹⁶. Действительно, накануне открытия ноябрьской сессии Думы в Петрограде прошла волна стихийных массовых забастовок; число бастовавших достигало 65 тыс., и власти объявили массовый локаут, угрожая отправить уволенных рабочих на фронт¹⁷. Эта стачка побудила к действию Рабочую группу ЦВПК, которая обратилась к Думе с требованием отмены локаута. В заявлении Рабочей группы говорилось о том, что политикой «дворянско-бюрократической клики» «страна вконец дезорганизована, разорена и приведена к тяжкому кризису,

граничающему с голодом», что «спасение страны... требует самого быстрого, решительного и коренного преобразования существующих политических условий... Иного пути нет и на него обязана твердо вступить Государственная Дума. Только на этом пути она может приобрести доверие и поддержку народных масс и найти в них опору для борьбы за освобождение и спасение страны»¹⁸.

Таким образом, под воздействием продовольственного кризиса рабочее движение впервые со времен революции 1905–1907 гг. стало оказывать непосредственное давление на Думу, рассматривая ее как союзника в борьбе с репрессивным и недееспособным правительством. Вместе с тем Дума в своей борьбе с правительством тоже искала союзников, она апеллировала к общественности, и в конце октября 1916 г. московская группа ЦК кадетов взяла на себя «организацию поддержки страны Думе»¹⁹. 1 ноября при открытии сессии Прогрессивный блок огласил свою декларацию, которая в числе прочего указывала на неспособность правительства решить продовольственный вопрос, настаивала на его отставке и создании такого правительства, которое опиралось бы на думское большинство. Московская группа ЦК организовала присылку многочисленных телеграмм от земских и городских управ, в которых выражалась поддержка требованиям Думы. Одновременно Рабочая группа ЦВПК разослала по еще не остывшим от стачечных волнений петроградским заводам резолюцию с требованиями создания опирающегося на Думу правительства «спасения страны»²⁰. Некоторые заводы отправляли делегации в Думу, обещая поддержку в борьбе с правительством²¹. Рабочая группа вела активную работу по укреплению своего влияния на заводах, создавая на предприятиях свои ячейки, так называемые группы содействия, работу которых координировал Рабочий центр²².

В рамках кампании поддержки Думы 9 декабря в Москве были созваны съезды Земского и Городского союзов, разогнанные полицией, но успевшие принять декларации, требовавшие создания ответственного министерства²³. 11 декабря депутаты нескольких разогнанных съездов²⁴, собравшись на квартире Терещенко, приняли резолюцию Совещания представителей общественных организаций, в которой, в частности, говорилось: «Отечество в опасности! Продовольственная разруха растет с каждым днем. Легкомысленные действия бездарной власти делают этот кризис все более и более страшным. Призрак голода грозит армии и народу... В роковые дни, решающие судьбу родины, должно быть покончено с политической системой, приведшей страну на край гибели. Час настал... *Опираясь на организующийся народ* (здесь и далее курсив наш. — С. Н.), Государственная Дума должна неуклонно и мужественно довести начатое великое дело до конца. Ни компромиссов, ни уступок»²⁵.

14 декабря к резолюции присоединилось совещание представителей областных ВПК в Петрограде²⁶. Присутствовавшая на этом совещании Рабочая группа приняла свою, более решительную резолюцию, которая раскрывает мотивы ее поведения и ее тактику. «Вся цензовая Россия, — говорилось в декларации, — представленная в Городском и Земском союзах и военно-промышленных комитетах, вступила на путь борьбы со старым режимом. И даже большинство третьеиюньской Государственной Думы... покрывавшее грехи старой власти, в настоящее время вынуждено отмежевать себя от этой власти и вступить на путь борьбы с нею...

В этих условиях задач[а] рабочего класса [состоит в том, чтобы]... *вмешавшись* путем массовых политических действий в конфликт умеренных элементов общества с властью, придать этой борьбе необходимую определенность, размах и силу. Рабочий класс не отказывается в процессе этой борьбы от политических лозунгов, под которыми он шел к полному раскрепощению России одиннадцать лет тому назад, но очередной своей задачей, не терпящей отлагательства, он считает решительное устранение нынешнего режима и создание на его месте Временного правительства, *опирающегося на организующийся, самодеятельный и свободный народ*... От Государственной Думы... мы требуем отказа от ее нерешительной и половинчатой политики по отношению к власти. Или Дума пойдет навстречу назревшим требованиям момента и превратится в центр общенационального движения, или народ перешагнет через нее по пути к своему раскрепощению»²⁷. Ближайшими задачами ставились «мобилизация рабочих масс» и «собрание вокруг рабочих групп возможно более широких кругов местного рабочего населения»²⁸.

Для понимания этой резолюции важно то, что под «Временным правительством» Рабочая группа понимала «*Временное революционное правительство*». «Предполагалось, — отмечал секретарь Рабочей Группы Е. Маевский, — что будущее Временное правительство, вероятнее всего, должно сложиться: 1) из Думского представительства, 2) из представителей возникших в процессе революции демократических организаций»²⁹.

Таким образом, оппозиция искала поддержки «организующегося народа», и одновременно Рабочая группа, почувствовав радикализацию рабочих масс в условиях продовольственного кризиса, пыталась организовать народ с целью поддержки Думы в ее борьбе с правительством. Но эта поддержка, как с предельной ясностью декларировалось в резолюции, была лишь первым шагом в борьбе за «полное раскрепощение России», что в дальнейшем было чревато опасностью для «третьей июньской» Думы. Поэтому значительная часть Прогрессивного блока изначально была против сотрудничества с «населением». «Проскальзывает боязнь революции даже у кадетов, — говорится в перлюстрированном письме одного думского политика. — Очевидно, все же напоминание о французской революции и о том, как во время ее погибли от гильотины тогдашние французские кадеты, подействовало на них, и они подумали, а что, если лица... вызвавшие революцию, не сумеют с ней совладать и гг. Керенские, Чхеидзе и другие отрубят в результате нам голову»³⁰.

Однако в Прогрессивном блоке нашлись люди, решившие пойти на риск. Доклад Охранного отделения прямо указывает на руководителей ЦВПК А. И. Гучкова, А. И. Коновалова, главу Земского союза князя Г. Е. Львова и «некоторых других» лиц, сравнивая их с китайским мятежником Юань Шикаем³¹. Штабом заговорщиков бы Центральный военно-промышленный комитет; в середине декабря Бюро ЦВПК решило, что «если будет подходящее настроение в массах, то Государственная дума должна провозгласить, что нынешний состав министров низложен, а затем сейчас же составить Временное правительство»³². Уже обсуждался состав этого правительства: кандидатами на пост председателя Совета Министров были Г. Е. Львов и А. И. Гучков, а на министерские посты претендовали А. И. Коновалов, М. И. Федоров и др.³³

Между тем 16 декабря Дума была распущена на рождественские каникулы. Охранка сообщала, что состоявшиеся в Москве собрания оппозиции пришли к выводу, что Думе уже не позволят собраться снова и на этот случай необходимо согласовать протестные действия. Предполагалось, что большинство Думы объявит роспуск недействительным, соберется в Москве и обратится к стране с воззванием³⁴. Естественно, что для такой ситуации требовалось заручиться поддержкой «населения». В это время Рабочая группа еще только планировала проведение организационных собраний. «Намечается тотчас после Нового года, — гласил один из документов Рабочей группы, — в дни накануне открытия Думы, когда будет решаться ее судьба, самая широкая компания заводских собраний, после которых будут явочным порядком организованы заводские комитеты... Предполагается объединиться в общегородской орган, который от имени всего рабочего Петрограда мог бы предложить ряд шагов, выработать требования и предъявлять их»³⁵. В этой ситуации, сообщает Охранное отделение, Гучков, Коновалов и прочие «самым беззастенчивым и провокационным образом муссируют настроение представителей руководящих и авторитетных рабочих групп (рабочие группы военно-промышленных комитетов), высказывая перед представителями последних уверенность свою в неизбежности уже «назревшего переворота» и утверждая категорически, что... «армия... уже приготовилась и выражает намерение поддержать все выступления и требования негодующего народа»³⁶. «Из среды Военно-промышленного комитета, — докладывал сотрудник охранки «Лимонин», — распустился слух, что среди воинских частей, находящихся на фронте, идет уже поголовное недовольство составом нынешнего правительства и на этой почве организовался даже какой-то союз офицеров, намечающий государственный переворот 12 или 14 января сего года. Говорят, что переворот будет заключаться в ультиматуме ЕиВ немедленно распустить нынешний состав правительства и заменить его ответственным, а если на этот ультиматум будет отрицательный ответ, то движение будет уже прямо направлено против династии с целью ее низложения»³⁷. Утверждалось, что заговором руководит сам начальник штаба Верховного главнокомандующего генерал М. В. Алексеев и его посланники ездят по городам, чтобы заручиться поддержкой «общественных кругов»³⁸.

Известно, что попытки организовать военный заговор действительно предпринимались, но инициатива при этом принадлежала не военным, а ЦВПК. Гучков потратил много усилий, чтобы вовлечь в заговор генерала Алексеева, однако позиция начальника штаба оставалась нерешительной. Когда в начале 1917 г. заговорщики сообщили Алексееву, что «назревает переворот», генерал попросил «во имя сохранения армии не делать этого шага». В итоге заговор на какое-то время расстроился, и Гучкову пришлось искать новые связи среди военных³⁹.

В начале января деятельность по подготовке рабочих протестов активизировалась. Охранному отделению стало известно, что «для осуществления митинговой кампании в Петрограде Рабочая группа предпринимает ряд технических шагов: намечен список ораторов (из числа ближайших сторонников Группы и некоторых членов ее). Вошедшие в этот список лица образовали «ораторскую коллегия», которая распределила между собой заводы, на которых предполагались выступления. Первое заседание коллегии назначено на 3 января»⁴⁰. В этот же день, 3 января,

начальник Петроградского военного округа генерал С. С. Хабалов направил Гучкову требование о том, чтобы Рабочая группа предупреждала о своих собраниях полицию, поскольку на них «присутствуют посторонние лица и обсуждаются противоправительственные темы»⁴¹. На следующий день на собрание Рабочей группы пригласили 20 представителей крупных заводов, но заседание было расстроено появлением полиции; указывалось, что в дальнейшем собрания могут происходить лишь в присутствии представителя градоначальника⁴². Однако руководство Рабочей группы отказалось исполнять это предписание, и собрания по-прежнему происходили втайне от полиции — но в действительности охранка была хорошо информирована об обсуждаемых вопросах: в составе группы имелось по крайней мере два полицейских осведомителя⁴³.

Митинговая компания быстро набирала обороты, причем в ней принимали участие руководители ЦВПК. 4 января состоялся большой митинг на заводе «Вулкан», и один из этих руководителей прямо заявил рабочим, что «оппозиция обратилась, признавая свое бессилие, к помощи рабочих организаций в целях совместной борьбы за свержение монархического порядка»⁴⁴. Агитация облегчалась тем обстоятельством, что приближалось 9 января — годовщина Кровавого воскресенья, обычно отмечаемая митингами и забастовками. В этот раз перед рабочими выступали не традиционные агитаторы из числа большевиков, а новые люди. «9 января... на Невском судостроительном заводе состоялся митинг, — докладывал один из агентов охранки. — Выступали два неизвестных оратора, у одного из которых перед произнесением речи упали фальшивые усы»⁴⁵.

Власти были обеспокоены масштабами митинговой кампании и стали предпринимать срочные меры для предотвращения ожидавшихся «беспорядков». В ночь на 7 января по распоряжению министра внутренних дел Протопопова было созвано совещание с участием генерала Хабалова, градоначальника Балка, начальника Охранного отделения Глобачева и петроградских полицмейстеров. Один из жандармских генералов высказал сомнения в надежности петроградского гарнизона, и было решено по возможности не прибегать к вызову воинских частей, а пополнить полицейские резервные роты и вооружить их пулеметами. 11 января пулеметы были доставлены из Ораниенбаума и размещены на крышах высоких зданий. Нижним чинам полиции было объявлено, что им, как солдатам осажденной крепости, будет выдаваться усиленный оклад — от 60 до 100 руб. в день⁴⁶. Эти беспрецедентные меры показывают, что власти были всерьез напуганы и ожидали крупномасштабных народных волнений.

Стачка 9 января приняла масштабы, невиданные со времен революции 1905 г.: в ней приняли участие 114 петроградских предприятий со 138 тыс. рабочих⁴⁷. Генерал Глобачев с видимым облегчением докладывал, что «забастовка протекала мирно — без всяких эксцессов и нарушений порядка»⁴⁸. Члены Рабочей группы говорили, что бастующих было больше 200 тыс. чел. и что «такой размах получился лишь благодаря участию Рабочей группы и ее популярности»⁴⁹.

Между тем по настоянию Протопопова открытие Думы после каникул было перенесено на 14 февраля. Это дало возможность Рабочей группе более основательно подготовиться к протестной кампании. Появилась идея организовать массовую манифестацию, стотысячное шествие рабочих к Государственной

Думе. Секретарь Рабочей группы Б. О. Богданов утверждал, что эта идея «возникла на одном из заседаний Рабочей группы незадолго до февраля 1917 г.»⁵⁰. «Предполагалось, — вспоминал Богданов, — что рабочие, их семьи — женщины и дети — пойдут к Государственной думе и потребуют от представителей фракций, и в первую очередь от рабочих фракций, пойти вместе с ними и передать воззвание царскому правительству не с ходатайством, а с требованием»⁵¹. «В результате такой манифестации прояснится очень важный вопрос — Государственная дума с рабочими или нет. В последнем случае шансы рабочих на успех ухудшаются. Манифестация мыслилась как большое движение, которое могло стать началом революции»⁵². Охранка докладывала, что 12 января на очередном митинге один из ораторов «призывал массы готовиться ко дню открытия Государственной Думы, чтобы в этот день идти к Государственной Думе плотной стеной и там нанести окончательный и, быть может, последний удар правительству и буржуазии»⁵³.

Таким образом, реализация этого замысла могла привести к «революции», чреватой роковыми последствиями для буржуазной Думы. Кажется естественным — тем более в свете свидетельства Богданова, — что такой замысел мог исходить Рабочей группы, но полицейские документы указывают на другой источник. Глобачев в своем докладе от 27 января приписывает авторство этой идеи «представителям думского оппозиционного большинства»⁵⁴. Директор департамента полиции А. Т. Васильев докладывал Протопопову, что это именно «прогрессисты» «обратились за содействием к рабочей группе центрального военно-промышленного комитета... Последняя, придерживаясь в своей деятельности вообще резко-революционного направления, не преминула, конечно, пойти навстречу... и безотлагательно приступила к подготовке... в день открытия Государственной Думы шествия столичных рабочих к Таврическому дворцу для предъявления депутатам требования “о создании правительства народного спасения”»⁵⁵.

Обращение к придерживавшейся «резко-революционного направления» Рабочей группе со стороны неких «представителей» с предложением привести к Думе бесчисленные толпы рабочих было, конечно, проявлением отчаянного авантюризма. Однако Рабочая группа со всей энергией принялась за подготовку грандиозной манифестации. В середине января появилась знаменитая прокламация с призывом к действию: «Рабочему классу и демократии нельзя больше ждать. Каждый пропущенный день опасен. Решительное устранение самодержавного режима и полная демократизация страны являются теперь задачей, требующей неотложного разрешения, вопросом существования рабочего класса и демократии... К моменту открытия Думы мы должны быть готовы на общее организованное выступление. Пусть весь рабочий Петроград к открытию Думы, завод за заводом, район за районом, дружно двинется к Таврическому дворцу, чтобы там заявить основные требования рабочего класса и демократии. Вся страна и армия должны услышать голос рабочего класса. Только учреждение Временного правительства, опирающегося на организующийся в борьбе народ, сможет вывести страну из тупика и гибельной разрухи, укрепить в ней политическую свободу и привести к миру на приемлемых как для российского пролетариата, так и для пролетариата других стран условиях»⁵⁶.

Прокламация Рабочей группы была разрешена к печати самим А. И. Гучковым, что лишний раз доказывает непосредственное участие ЦВПК в подготовке демонстрации⁵⁷. «В связи с подготовкой демонстрации, — писал Богданов, — на Литейном (в помещении военно-промышленного комитета) создан был штаб из 50–60 человек, который в рабочих районах города образовал ячейки: через них осуществлялась организация и вербовка будущих демонстрантов и поддерживалась связь с центром»⁵⁸. Основным агитационным материалом, способным вызвать у рабочих симпатии к Думе, были речи оппозиционных депутатов. «Знаменитые речи об измене царицы, о предательствах во время войны, читаемые повсеместно, как бы подвели революцию к Думе. Речи оппозиционных депутатов, особенно социалистов, огромными тиражами печатались в типографиях и развозились по фабрикам, заводам, различным предприятиям, университетам и прочее. Эта обстановка вспоминается в деталях. Вот к зданию военно-промышленного комитета на Литейном подкатывает несколько грузовиков, доверху наполненных речами членов Государственной думы. Не успели они еще разгрузиться, как на других грузовиках, на извозчиках этот груз уже развозится по фабрикам, заводам, учреждениям. А там хватают, развозят, разносят и все уже читают, пересказывают, объясняют друг другу. В такой обстановке неудивительно, что революция пеклась как на дрожжах»⁵⁹.

Очевидно, что вся эта мощная агитационная машина, работавшая теперь на подготовку манифестации 14 февраля, принадлежала ЦВПК, т. е. той самой группе Гучкова — Коновалова, которая столь авантюрно сделала ставку на массовое выступление рабочих. «Находясь под защитой Гучкова, Коновалова и их друзей, — писал генерал Спиридович, — Рабочая группа Военно-промышленного комитета смело проводила агитацию»⁶⁰.

18 января Охранное отделение докладывало, что Рабочая группа одобрила план дальнейшей политической кампании, приуроченной к открытию Думы. «Согласно этому плану в течение текущей недели должны состояться митинги на шести заводах Выборгской стороны (среда), на Путиловском заводе (четверг), на Невском судостроительном заводе (четверг или пятница). На следующей неделе будут проведены митинги на остальных заводах. Составлены и размножены уже резолюции для предстоящих митингов»⁶¹. 22 января один из агентов сообщал, что «по фабрикам и заводам столицы по инициативе Рабочей группы уже начались митинги для подготовки манифестации к дню открытия Государственной Думы, когда предполагается устроить шествие к Государственной Думе с целью дать правительству генеральный бой и, свергнув его, самим создать Временное правительство»⁶².

Б. О. Богданов свидетельствует, что «призыв Рабочей группы к демонстрации и свержению самодержавия произвел ошеломляющее впечатление»⁶³. Как свидетельствует доклад Петроградского охранного отделения, многие думцы полагали, что «поддержка населения означает революцию, прекращение войны и осуществление всего того, против чего как раз и ведет борьбу прогрессивный блок»⁶⁴. Возможность превращения мирной манифестации в революционное выступление приводила в ужас «общественность»⁶⁵. С другой стороны, социал-демократы — как большевики, так и меньшевики — со страхом ожидали повторения 9 января 1905 г. Чхеидзе на одной из встреч с Рабочей группой категорически

протестовал против принятого Группой решения⁶⁶. Большевики, из принципа отторгавшие возможность сотрудничества с Думой, послали своих агитаторов разоблачать «соглашательскую политику» Рабочей группы⁶⁷. На заводе Эриксона большевикам удалось воспрепятствовать принятию резолюции о манифестации, но в других случаях верх брали агитаторы, посланные Группой⁶⁸.

Наибольшее впечатление призыв к проведению манифестации произвел на правительственные круги. Генерал Глобачев докладывал: «Все поступившие до настоящего времени агентурные сведения... вполне определенно свидетельствуют, что названная Группа... встала на чисто революционный путь, преследуя задачи... подготовки в ближайшем будущем выступления... широких народных масс в масштабах, необходимых для создания благоприятной обстановки к возможному государственному перевороту путем *захвата народом власти* и объявления Временного правительства»⁶⁹. Глобачев предлагал немедленно арестовать Рабочую группу, но Протопопов колебался. «Протопопов никак не мог решиться дать свою санкцию, ссылаясь на то недовольство, которое будет вызвано у общественности»⁷⁰. В конце концов министр внутренних дел обратился к Николаю II. «Царь сказал: “Что же делать? Арестуйте”»⁷¹.

В ночь на 27 января было арестовано около 40 чел., в том числе 11 членов Рабочей группы. Большой Гвоздев был определен под домашний арест. Три члена Группы сумели скрыться, среди них был агент охраны Абросимов, видимо, заранее извещенный полицией⁷². Сразу же после ареста Рабочей группы ЦВПК опубликовал в газетах заявление, в котором утверждал, что в действиях Группы не было ничего предосудительного, что арест произведен по ошибке. Гучков и Коновалов явились на прием к председателю Совета министров Н. Д. Голицыну с ходатайством об освобождении арестованных. Голицын, ставший премьером месяц назад, желал наладить сотрудничество с Думой; он ответил, что не знает подробностей этого дела, но поговорит по этому поводу с Протопоповым. Премьер-министр действительно имел беседу с Протопоповым, но в итоге Рабочая группа осталась под арестом⁷³.

29 января по инициативе ЦВПК состоялось экстренное совещание думской оппозиции с целью мобилизации сил для «спасения Рабочей группы». Как отмечалось в докладе Охранного отделения, Гучков во вступительном слове сообщил об аресте Рабочей группы, однако «совершенно уклонился от какой-либо оценки случившегося»⁷⁴. Лидер кадетов П. С. Милюков, очевидно, не был знаком с планами «переворота»: он заявил, что Рабочая группа не имела права выставлять своих лозунгов и начинать борьбу помимо Государственной Думы, т. е. помимо кадетов. Многие ораторы, в том числе Чхеидзе и Керенский, выступали за оказание поддержки арестованным. Депутат Думы Аджемов высказался в том смысле, что если Рабочая группа привлечена к ответственности по закону, то тогда на тех же основаниях привлечению пришлось бы подвергнуться и всем присутствующим⁷⁵. Но один из представителей Рабочей группы, Абросимов, попросил слова и, как вспоминал Гучков, «в очень резкой речи указал, что Рабочая группа только прикидывалась такой мирной... а на самом деле она преследует открыто революционные цели... вплоть до вооруженного восстания и свержения власти... Конечно, это вызвало смущение не у меня и не у моих товарищей, которые отлично знали

группу, но у тех общественно-политических деятелей, которых мы пригласили для защиты против нападок со стороны администрации»⁷⁶. В итоге совещание закончилось безрезультатно, и хотя стороны договорились встретиться еще раз 5 февраля, эта встреча, по-видимому, не состоялась: в полицейских архивах о ней нет никаких сведений.

Выступая на совещании, Коновалов предупредил, что в связи с арестом Рабочей группы уже раздаются требования ареста «покрывавшего» ее ЦВПК⁷⁷. Правые газеты в самых резких выражениях обличали преступные замыслы «комитетчиков»⁷⁸. На допросах арестованных сразу же выяснилось, что Рабочая группа готовила переворот вместе с ЦВПК. Глобачев представил Протопопову список предполагаемого Временного правительства и поднял вопрос о «немедленной ликвидации революционного центра»⁷⁹. Руководители ЦВПК остро ощущали нависшую над ними опасность. Оставалось единственное средство: поднять петроградских рабочих с тем, чтобы они во время манифестации 14 февраля предъявили требования об освобождении Рабочей группы. «Арест Рабочей группы произвел ошеломляющее действие на ЦВПК, — свидетельствует Глобачев, — и в особенности на Гучкова, у которого, как говорится, была выдернута скамейка из-под ног: связующее звено удалено и сразу обрывалась связь центра с рабочими кругами. Этого Гучков перенести не мог; всегда в высшей степени осторожный в своих замыслах, он в эту минуту потерял самообладание и... рискнул на открытый призыв петроградских рабочих к протесту против якобы незаконного ареста народных избранников. По заводам и фабрикам рассылались об этом циркуляры ЦВПК за подписью его председателя А. И. Гучкова»⁸⁰.

Хотя Рабочая группы была арестована, ее «ораторская коллегия» уцелела, а на заводах сохранились ячейки Рабочего союза. На многих заводах имелись организованные Группой больничные кассы, потребительские кооперативы и «группы содействия»⁸¹. Вдобавок продовольственный кризис стимулировал протестные настроения. «Сейчас в рабочей среде очень тревожное настроение, — сообщал один из сотрудников охраны 1 февраля, — истинной причиной которого... является недовольство... возрастающей дороговизной на предметы первой необходимости... и недостатком многих предметов на рынке... На этой почве обнаруживаются все большие успехи агитации... за выступление 14 февраля. Сторонники арестованной рабочей группы... группирующиеся главным образом в Петроградском союзе потребительских обществ, Обществе бытовых закупок, Кооперативном комитете и биржах труда, проектируют на этот день всероссийскую всеобщую забастовку и демонстрации, причем в Петрограде около Таврического дворца, допуская в случае удачи движения даже возможность захвата Государственной Думы, разгона части ее членов и принуждения оставшихся провозгласить временное правительство национальной обороны»⁸².

В первых числах февраля на многих заводах прошли митинги, на которых рабочие требовали освобождения Рабочей группы и выражали намерение пойти 14 февраля к Таврическому дворцу⁸³. На митингах выступали не примелькавшиеся полиции большевики, а новые, неизвестные ораторы; кто-то из них даже выдавал себя за члена Государственной Думы⁸⁴. Сотрудники охранного отделения сообщали 2 февраля: «Ряд митингов в различных фабрично-заводских предприятиях

столицы, имевших место уже после ликвидации “рабочей группы”... высказался за желание прекратить 14 февраля работы и явиться к Таврическому дворцу... с требованием освобождения “рабочей группы” и создания незамедлительно “временного правительства”. Из числа предприятий, определенно высказавшихся за подобное решение... указывают Путиловский и Обуховский заводы... кои в себе объединяют до 50 тыс. рабочих»⁸⁵. «Передают, что на прошлой неделе на Невском судостроительном был митинг, на котором решили 14-го выступить с оружием в руках и всем поддержать забастовку... и, может быть, даже создать и государственный переворот. Аналогичные митинги были и на заводе Парвизайнен и, кажется, у “Айваза”. Следует признать, что 14-го беспорядки неизбежны в широких масштабах»⁸⁶. Гонцы, прибывшие из Московского района, сообщали, что «к выступлению 14 февраля усиленно готовятся в Москве, Костроме, Ярославле, Кинешме, Иваново-Вознесенске, Орехово-Зуево и Нижнем Новгороде». Такого рода послания приходили и из других мест⁸⁷.

Страна готовилась к революции...

¹ Дякин В. С. Русская буржуазия и царизм в годы Первой мировой войны (1914–1917). Л., 1967. С. 322.

² Старцев В. И. Русская буржуазия и самодержавие в 1905–1917 гг. Л., 1977. С. 261.

³ Куликов С. В. Бюрократическая элита Российской империи (1914–1917). СПб., 2004. С. 317.

⁴ Голдстоун Дж. Революции. Очень краткое введение. М., 2015. С. 15.

⁵ Бурджалов Э. Н. Вторая русская революция. Восстание в Петрограде. М., 1967. С. 99–100; Черменский Е. Д. IV Государственная дума и свержение царизма в России. М., 1976. С. 261–262; Костяев Э. В. Рабочая группа Центрального военно-промышленного комитета и свержение царизма в России // Мировая социал-демократия: теория, история и современность. М., 2006. С. 313–321; Hasegawa Ts. The February Revolution: Petrograd, 1917. Seattle; London, 1981. P. 204–205.

⁶ Дякин В. С. Русская буржуазия и царизм... С. 269–297.

⁷ Старцев В. И. Русская буржуазия и самодержавие... С. 240.

⁸ Куликов С. В. Центральный военно-промышленный комитет накануне и в ходе Февральской революции 1917 года // Российская история. 2012. № 1. С. 75.

⁹ Там же. С. 76.

¹⁰ Глобачев К. И. Правда о русской революции. М., 2009. С. 379.

¹¹ Леонова С. Л. Военно-промышленные комитеты в годы Первой мировой войны. М., 1996.

¹² Богданова Н. Б. Мой отец — меньшевик. СПб., 1994. С. 27; Шляпников А. Г. Канун семнадцатого года. Семнадцатый год. Т. 1. М., 1992. С. 275.

¹³ Канун революции. Пг., 1918. С. 18, 22.

¹⁴ Дякин В. С. Русская буржуазия и царизм... С. 230, 236.

¹⁵ Доклад петроградского охранного отделения Особому отделу департамента полиции. Октябрь 1916 г. // Красный архив. 1926. № 1. С. 6, 11.

¹⁶ Там же. С. 6.

¹⁷ Канун семнадцатого года (материалы об октябрьской стачке 1916 г. в Петрограде) // Красная летопись. 1924. № 2. С. 202–213.

¹⁸ Канун революции... С. 65–66.

¹⁹ Протоколы Центрального Комитета Конституционно-демократической партии. 1915–1920. Т. 3. М., 1998. С. 333.

²⁰ Канун революции... С. 71.

²¹ Черменский Е. Д. IV Государственная дума... С. 222.

- ²² Шляпников А. Г. Канун семнадцатого года. Семнадцатый год. Т. 1. С. 173; Канун революции... С. 6.
- ²³ Буржуазия накануне Февральской революции. М.; Л., 1927. С. 156, 159.
- ²⁴ Шляпников А. Г. Канун семнадцатого года. Семнадцатый год. Т. 1. С. 283.
- ²⁵ Цит. по: Там же. С. 248–249.
- ²⁶ Дякин В. С. Русская буржуазия и царизм... С. 259.
- ²⁷ Канун революции... С. 82–83.
- ²⁸ Там же. С. 87.
- ²⁹ Там же. С. 7.
- ³⁰ Государственный архив Российской Федерации (далее — ГАРФ). Ф. 102. Департамент полиции, Особый отдел (далее — ДПО). Оп. 265. Д. 1065. Л. 1556.
- ³¹ Буржуазия накануне... С. 174.
- ³² Цит. по: Лаврычев В. Я. По ту сторону баррикад. М., 1967. С. 157.
- ³³ Там же. С. 157.
- ³⁴ Буржуазия накануне... С. 164.
- ³⁵ ГАРФ. Ф. 111. Оп. 5. Д. 660. Л. 2.
- ³⁶ Буржуазия накануне... С. 174.
- ³⁷ ГАРФ. Ф. 111. Оп. 5. Д. 660. Л. 5.
- ³⁸ Там же.
- ³⁹ Деникин А. И. Очерки русской смуты. Т. 1. М., 2003. С. 139.
- ⁴⁰ ГАРФ. Ф. 111. Оп. 5. Д. 660. Л. 1.
- ⁴¹ Цит. по: Старцев В. И. Русская буржуазия и самодержавие... С. 231.
- ⁴² ГАРФ. Ф. 111. Оп. 5. Д. 660. Л. 28.
- ⁴³ Там же. Л. 48.
- ⁴⁴ Там же. Л. 12.
- ⁴⁵ Там же. Л. 78.
- ⁴⁶ Семенов Е. П. Февральские и мартовские дни 1917 г. // Исторический вестник. 1917. Т. 147, № 3. С. 4, 6.
- ⁴⁷ ГАРФ. Ф. 111. Оп. 5. Д. 660. Л. 48.
- ⁴⁸ Там же.
- ⁴⁹ Там же. Л. 65.
- ⁵⁰ Богданова Н. Б. Мой отец — меньшевик. С. 198.
- ⁵¹ Там же. С. 199.
- ⁵² Там же. С. 198.
- ⁵³ ГАРФ. Ф. 111. Оп. 5. Д. 660. Л. 78.
- ⁵⁴ Глобачев К. И. Правда о русской революции. С. 376.
- ⁵⁵ Буржуазия накануне... С. 179.
- ⁵⁶ Цит. по: Спиридович А. И. Великая война и Февральская революция. Воспоминания. Минск, 2004. С. 473–474.
- ⁵⁷ Черменский Е. Д. IV Государственная дума... С. 232.
- ⁵⁸ Богданова Н. Б. Мой отец — меньшевик. С. 199.
- ⁵⁹ Там же. С. 200.
- ⁶⁰ Спиридович А. И. Великая война и Февральская революция... С. 473.
- ⁶¹ ГАРФ. Ф. 111. Оп. 5. Д. 660. Л. 84.
- ⁶² Там же. Л. 97.
- ⁶³ Богданова Н. Б. Мой отец — меньшевик. С. 199.
- ⁶⁴ Буржуазия накануне... С. 171.
- ⁶⁵ Там же. С. 186.
- ⁶⁶ Богданова Н. Б. Мой отец — меньшевик. С. 201.
- ⁶⁷ Шляпников А. Г. Канун семнадцатого года. Семнадцатый год. Т. 2. С. 31.
- ⁶⁸ ГАРФ. Ф. 102. ДПО. 1917. Оп. 247. Д. 5. Ч. 57. Литер «Б». Л. 4.
- ⁶⁹ ГАРФ. Ф. 111. Оп. 5. Д. 660. Л. 72.
- ⁷⁰ Глобачев К. И. Правда о русской революции. С. 114.
- ⁷¹ Падение царского режима. Т. 4. Л., 1925. С. 88.

- ⁷² Там же.
- ⁷³ Там же. Т. 6. С. 285.
- ⁷⁴ Буржуазия накануне Февральской революции. С. 181.
- ⁷⁵ Там же. С. 182.
- ⁷⁶ Падение царского режима. Т. 6. С. 286.
- ⁷⁷ Буржуазия накануне Февральской революции. С. 183.
- ⁷⁸ Черменский Е. Д. IV Государственная дума... С. 233.
- ⁷⁹ Глобачев К. И. Правда о русской революции. С. 114.
- ⁸⁰ Там же. С. 70.
- ⁸¹ Шляпников А. Г. Канун семнадцатого года. Семнадцатый год. Т. 1. С. 173; Канун революции... С. 6.
- ⁸² ГАРФ. Ф. 111. Оп. 5. Д. 630. Л. 121.
- ⁸³ Там же. Л. 132; Буржуазия накануне Февральской революции. С. 185.
- ⁸⁴ ГАРФ. Ф. 111. Оп. 5. Д. 669. Л. 23, 25.
- ⁸⁵ Буржуазия накануне Февральской революции. С. 185.
- ⁸⁶ ГАРФ. Ф. 111. Оп. 5. Д. 630. Л. 132.
- ⁸⁷ Там же. Л. 121 об.

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ

Нефедов С. А. Неизвестная Февральская революция // Новейшая история России. 2017. № 4 (21). С. 7–21.
УДК 94(47).084.1

Аннотация: В статье, основанной на архивных материалах, описываются события, связанные с подготовкой манифестации 14 февраля 1917 г. Показано, что в обстановке предпринятого либеральной оппозицией «штурма власти» опиравшаяся на Центральный военно-промышленный комитет и возглавляемая А. И. Гучковым группа наиболее радикально настроенных оппозиционеров решила пойти на союз с рабочими организациями для устройства грандиозной антиправительственной манифестации. Центральный военно-промышленный комитет поддерживал контакт с рабочими массами через входившую в его состав Рабочую группу, которую возглавлял меньшевик К. А. Гвоздев. Предполагалось, что в день созыва Государственной Думы, 14 февраля, собравшаяся у стен Думы стотысячная манифестация потребует у депутатов создания «Временного правительства», ответственного перед Думой и «народом». Если полиция и войска попытаются разогнать демонстрантов, то, по сведениям полиции, планировалось оказать вооруженное сопротивление, на некоторых заводах раздавалось оружие. Предполагалось, что манифестация может стать началом вооруженного восстания и революции. Встревоженные получаемыми сведениями власти арестовали Рабочую группу, но подготовка тем не менее продолжалась. Вместе с тем возможность неконтролируемого развития событий встревожила умеренных лидеров Прогрессивного блока, и на совещании 29 января П. С. Милюков выступил против планировавшейся манифестации. Однако подготовка к манифестации продолжалась.

Ключевые слова: Россия, 1917, Февральская революция, демонстрация 14 февраля, либеральная оппозиция, Центральный военно-промышленный комитет, Рабочая группа, ответственное министерство.

Сведения об авторе: Нефедов С. А. — доктор исторических наук, профессор Уральского федерального университета; Институт истории и археологии Уральского отделения РАН (Екатеринбург, Россия); hist1@yandex.ru

FOR CITATION

Nefedov S. A. The Unknown February Revolution (part 1), *Modern History of Russia*, no. 4, 2017, pp. 7–21.

Abstract: The article, based on archival materials, describes events connected with the preparation of the demonstration on February 14, 1917. It is shown that, in the atmosphere of the “Gov-

ernment Assault” undertaken by the liberal opposition, the group of the most radical opposition, supported by the Central Military Industrial Committee and led by A. I. Guchkov decided to join the workers’ organizations in order to organize a grand anti-government demonstration. The Central Military Industrial Committee kept contact with the working people through the “Working Group”, which was a part of the Committee and was headed by the Menshevik K. A. Gvozdev. It was expected that on the day of the convocation of the State Duma, on February 14, a hundred thousand people would gather at the walls of the State Duma and would require the deputies to create a “Provisional Government” responsible to the Duma and the “people”. In case the police and government forces tried to scatter the protesters, then, according to the police, it was planned to provide armed resistance; weapons were given to people at some factories. It was supposed that the manifestation could become the beginning of an armed uprising and revolution. The authorities were worried by the news received, and they arrested the “Working Group”, nevertheless, preparations continued. However, the possibility of an uncontrolled development of events worried the moderate leaders of the Progressive Bloc and, at a meeting on January 29, P. S. Miliukov spoke out against the planned demonstration. At the same time, another leader of the Bloc, M. V. Rodzianko, tried to use the fears of the authorities to get their consent to the creation of a responsible ministry. Finally, Miliukov and Rodzianko made an appeal before the workers to refrain from demonstration, and it did not take place. However the authorities appreciated the loyalty of the opposition and, according to some information, Nicholas II decided to agree to the creation of a responsible ministry.

Keywords: Russia, 1917, February revolution, demonstration of 14 February, liberal opposition, Central Military Industrial Committee, Working group, responsible ministry.

Author: *Nefedov S. A.* — Doctor of History, Professor, Ural Federal University; Institute of History and Archeology of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences (Yekaterinburg, Russia); hist1@yandex.ru

References:

- Bogdanova N. B. *Moj otec — menshevik* (St. Petersburg, 1994).
- Burdzhalov Ye. N. *Vtoraja russkaja revoljucija. Vosstanie v Petrograde* (Moscow, 1967).
- Burzhuzija nakanune fevralskoy revoljucii* (Moscow — Leningrad, 1927).
- Chermenskiy E. D. *IV Gosudarstvennaja дума i sverzhenie carizma v Rossii* (Moscow, 1976).
- Denikin A. I. *Oчерки русской смуты*. Vol. 1 (Moscow, 2003).
- Dyakin V. S. *Russkaja burzhuzija i tsarizm v gody Pervoj mirovoj vojny (1914–1917)* (Leningrad, 1967).
- ‘Doklad petrogradskogo ohrannogo otdelenija Osobomu otdelu departamenta policii. Oktjabr 1916 g.’, *Krasnyi arkhiv*, no. 1, 1926.
- Globachev K. I. *Pravda o russoj revoljucii* (Moscow, 2009).
- Goldstone J. *Revoljucii. Ochen kratkoe vvedenie* (Moscow, 2015).
- Hasegawa T. *The February Revolution: Petrograd, 1917* (Seattle and London, 1981).
- Kanun revoljucii* (Petrograd, 1918).
- ‘Kanun semnadcatogo goda (materialy ob oktjabr’skoj stachke 1916 g. v Petrograde)’, *Krasnaja letopis*, no. 2, 1924.
- Kostyaev E. V. ‘Rabochaya gruppa Centralnogo voenno-promyshlennogo komiteta i sverzhenie carizma v Rossii’, *Mirovaja social-demokratiya: teorija, istorija i sovremennost* (Moscow, 2006).
- Kulikov S. V. *Bjurokraticheskaja elita Rossijskoj imperii (1914–1917)* (St. Petersburg, 2004).
- Kulikov S. V. ‘Centralnyi voenno-promyshlennyi komitet nakanune i v khode Fevralskoj revoljucii 1917 goda’, *Rossijskaja istoriya*, no. 1, 2012.
- Laverychev V. Y. *Po tu storonu barrikad* (Moscow, 1967).
- Leonova S. L. *Voенно-promyshlennye komitety v gody I mirovoj vojny* (Moscow, 1996).
- Padenie tsarskogo rezhima*, 7 vols. (Leningrad, 1925).
- Protokoly Centralnogo Komiteta Konstitucionno-demokraticeskoy partii. 1915–1912*, 4 vols. (Moscow, 1998).
- Semenov E. P. ‘Fevralskie i martovskie dni 1917 g.’, *Istoricheskiy vestnik.*, vol. 147, no. 3, 1917.
- Shlyapnikov A. G. *Kanun semnadcatogo goda. Semnadcatyi god*, 2 vols. (Moscow, 1992).
- Spiridovich A. I. *Velikaja vojna i Fevralskaja revoljucija. Vospominanija* (Minsk, 2004).
- Startzev V. I. *Russkaja burzhuzija i samodержavie v 1905–1917 gg.* (Leningrad, 1977).